

Сергей Кравцов, Екатерина Бойчук
Отмычка Соломона*

СОЛОМОН

Я по профессии учитель русского языка и литературы. Окончил наш родной филфак университета. В детстве я очень много читал. Практически все свободное время. Это и неудивительно. В квартире моих дедушки и бабушки мебель состояла, в основном, из книжных шкафов. Я даже в школьной библиотеке записан не был. Все записаны, а я нет. Учительница как-то спрашивает: «Соломон, почему ты в библиотеку не ходишь?». А один из моих одноклассников, который у меня бывал, говорит: «А ему не надо». Дедушкина библиотека была много больше школьной.

Дедушка и бабушка были из старой интеллигенции. Я всегда удивлялся лозунгу «Мы создадим новую советскую интеллигенцию». Человеку можно дать образование, но интеллигентами станут только его внуки... Может быть. Ну, вот, я уже начал производить общие места.

Я преподавал родной язык в техникуме. Детей там готовили как придаток к станку, но все-таки какую-то часть русской культуры я старался внести в их жизнь. Иногда мне казалось, что мне что-то удастся, и я не совсем зря занимаюсь своим делом.

Но потом демократия восторжествовала. Станки, к которым готовили мальчишек, пошли в металлолом (до сих пор не могу видеть на вывесках слово «металл» с одним «л»).

Русский язык оказался зарубежным. Техникум закрыли, и я оказался на улице.

* Продолжение. Начало в кн. 64-74, 76.

Вот тут-то я и стал директором. Нет, не в этой фирме. Времена были другие. После развала страны было что красть. Все-таки народ что-то создавал все эти годы. И все имеющие доступ и возможности начали перераспределять общественную собственность в свою пользу.

Тут-то и понадобились фирмы и фирмочки, оборудование которых состояло из одной печати. Потом другой. Таким малодуховным образом я и просуществовал лет семь. Как говорят, «за долю малую». Кончилось это тем, что я пять месяцев не ночевал дома. Источник заработка потерял, жена окончательно ушла, посчитав брак со мной совершенно не перспективным.

Она у меня журналист. Мы с ней в университете учились. На филфаке мальчиков мало, и все они нарасхват. Вот и меня подхватили. Самая активная. Она и сейчас активная. Вечно участвует в каких-то грязных политических кампаниях, типа избирательных. Получает неплохие деньги, потом исчезает, если выберут не того. Потом опять. Сейчас она думает, что ошиблась, уйдя от меня. Она думает, что я каким-то криминалом занимаюсь. Наркотиками торгую, что ли. Иногда у меня деньги одалживает.

Она бы и вернулась, но мне это сейчас не надо. В женщинах я никакого недостатка не испытываю, как, впрочем, ни в чем другом. С друзьями сложнее...

– А как же вы в директора попали в этот «Иблис»? – спросил Петя.

– Да, именно, Иблис. И этим все сказано. Вы знаете, кто такой Иблис?

– Это что-то из мифологии древней, кажется, египетской?

– Во времена Древнего Египта он, конечно, был, но имя получил гораздо раньше. Чтобы вас не интриговать, скажу сразу, что это имя получил Сатана по возвращении его на землю. А раньше его звали Азазель. Это когда он служил предводителем войска Господня. А вообще-то, он джинн – шайтан. Чувствуете? Шайтан – сатан. То-то же.

– Спасибо за мифологический экскурс. Это кто же вашу фирму так обозвал? Слышали: «Как вы яхту назовете – так она и поплывет»?

– Совершенно с вами согласен. Как назвали – так и плывем. Вы думаете, на кого мы работаем?

– Я надеюсь, что вы шутите. А если нет, то как же вы в такую гадость попали, да еще и директором? Ведь при случае тут пять месяцев не отсидишься.

– Как я попал в эту фирму, да еще и директором, – это отдельная история.

Все это началось как раз тогда, когда я думал, что все закончилось, и никаких выходов, достойных человека, нет.

Была весна. Все готовилось зацвести, зацвиринькать и, как говорили, «начать Бога прославлять». И вот в этот период у меня случились депрессии. А в ту весну на душе было особенно гадостно. Было такое ощущение: бежать больше некуда, то, что я есть, уже никому не нужно. И, вероятнее всего, не нужно уже давно.

– А может, я давно себя обманываю и давно не являюсь тем, кем себя представляю? – задавал я себе вопрос.

– Соломон, – спросил я себя, – когда ты в последний раз написал что-либо, кроме накладной?

– А почему я должен что-то писать? – возразил я себе. – Кому все это нужно?

– Вот можно податься в журналисты за мало денег, или за много – это обратно пропорционально наличию совести.

– А фальшивые накладные ты писал, совестью не угрызаемый? – не унимался я.

– Накладные не литература, и души они людям не калечат, даже фальшивые.

– Не строй из себя дурака, – возмущался я. – Ты же прекрасно знаешь, что если где-то денег становится больше – то где-то меньше. И чаще всего этот процесс можно определить как кражу.

– Так что же мне делать? Идти в монастырь, если в миру невозможно оставаться интеллигентным человеком? – спрашивал я.

– Это ты юродствуешь, потому что у тебя денег нет, – издевалось мое и, я думаю, не лучшее «я».

Вот так вот, мирно беседуя сам с собой, сидел я на лавочке в Городском саду под каким-то цветущим кустом. Не знаю, как он называется, но весь в фиолетовых цветах по весне куст великолепен. Я наблюдал за голубями, которые купались в лужице, оставляя на ее поверхности островки белой пудры.

Кто-то из редких прохожих остановился между мной и голубями, заслонив лужу. Я поднял глаза. Передо мной стоял мой старый друг еще по старому двору на Базарной улице. Я не видел его лет пятнадцать.

Промелькнула мысль – окликнуть его или нет? Придется отвечать на вопрос «Как поживаешь?». Врать не хотелось. А может, у него все замечательно – так хоть порадуюсь. Эта мысль промелькнула мгновенно. Развиться ей, слава Богу, не дали. Мой товарищ повернулся, увидел меня и сразу узнал.

– Соломон, – закричал он, – привет! Разве ты меня не узнаешь? Это же я – Нолик! Откуда ты тут взялся? Я прихожу на эту скамейку каждую весну. И тебя никогда здесь не встречал.

– Да, я как-то тут редко бываю, – объяснил я.

А Нолик уже сидел на скамейке возле меня и говорил. Как его полное имя? Черт его знает. Может, Арнольд? Я никогда не видел его паспорт.

Его интересовало все: женат ли я, есть ли дети? Где я живу, и какие у меня успехи в делах, и как здоровье.

Меньше всего я склонен был отвечать на эти анкетные вопросы. Но, слава богу, большинство из них были риторические. Нолик задавал вопрос, а потом сам же на него и отвечал.

По его словам, все складывалась наилучшим образом. Окончив политех и проработав ряд лет в каком-то КБ, он оказался на улице. И это хорошо – считал он. Потому что иначе он бы не занялся торговлей с Польшей, а затем с Турцией. Торговал он вместе со своей женой и еще каким-то компаньоном. Торговал на деньги, которые получил, заложив квартиру. Потом их кто-то кинул. Товар попал не туда. Остальное отобрали на таможне. Квартира пропала, а с ней и жена, которая поселилась у компаньона. У Нолика были смутные подозрения, что эта парочка была очень даже осведомлена о грядущих неприятностях, а может, их сама организовала. Но он гнал от себя эти мысли, так как считал, что о людях нужно думать лучше.

Не теряя присутствия духа, Нолик устроился продавцом на оптовый рынок «Седьмой километр» и снял квартиру.

– И это было замечательно, так как у меня появилось время подумать.

– А кто это тебе сказал, что твои дела шли все лучше и лучше? Или ты сам до этого додумался, сидя в контейнере? – съехидничал я.

– Вот об этом я как раз и хотел рассказать, – продолжал, совершенно не смутившись, Нолик. – Когда я сидел продавцом на рынке, вставал в четыре часа утра и почти всю зарплату отдавал за квартиру, меня начал мучить вопрос: «А правильно ли я живу?».

– Ну и что ты ответил этому мучителю? – опять спросил я. Игра в энтузиазм мне уже начинала нравиться.

– Я решил, что что-то тут не так, но выхода не видел. И тут один клиент, с которым я случайно разговорился, посоветовал мне сходить к психоаналитику.

– И он тебе помог? – спросил я с сомнением.

– Представь себе. Есть такая полезная профессия. Выслушав меня, специалист сказал: «Все, что с вами происходило в жизни, – замечательный фундамент для вашего дальнейшего процветания. Вы любите людей и желаете им добра. Это должно стать вашей специальностью».

– Но я как бы не крещеный, а в равнины меня что-то не тянет, – возразил я.

– Вы меня не так поняли, – стал объяснять психолог, – вы должны найти себе профессию, чтобы выполнять заветные желания людей.

– Киллера, например, – попробовал пошутить я.

– Нет, для профессии киллера вы слишком добрый, да и подготовки соответствующей нет, – совершенно серьезно пояснил психолог. – А вот как вам нравится профессия риелтора?

– Как вам сказать? – сказал я ему. – Я никогда не занимался продажей квартир и вообще не имел с квартирами дела, кроме случая, когда отобрали мою.

– А вы попробуйте. Вы хорошо относитесь к людям. Людям это обычно нравится. Мне кажется, к этой деятельности у вас должен быть талант.

Он даже дал мне телефон агентства, где требовались риелторы.

– Ну и как? – уже с интересом спросил я.

– А представь себе, – ответил Нолик, – от клиентов отбоя нет. Мою визитку передают из рук в руки. Ну и себе квартиру тоже купил. Небольшую, но мне нравится. На проспекте Шевченко в сталинке. Третий этаж. Окна и балкон во двор. Как-нибудь зайдешь – тебе тоже понравится.

– Ну и что, был ты у этого Нолика в гостях?

– У Нолика не был, а вот к психологу ходил. Нолик мне его телефон дал. Я, конечно, у людей поспрашивал. Известный оказался психолог. Тренинги всякие проводил. Учил людей, как жить так, чтобы на тебя все работали, а ты только жизни радовался. Мне это все показалось несколько подозрительным. Но потом мне сказали, что индивидуальные приемы – это совсем другое. Стоят несколько дороже, но польза несомненная.

Встретился я с Эразмом Самуиловичем в его кабинете. Он тогда в поликлинике на Троицкой принимал. Вид у него ученый, ну ты знаешь. Это сейчас мы его за глаза Ушастым зовем. Роговые очки, длинные волосы, интеллигентные манеры.

– Ага, чтобы растопыренные уши скрывать, – уточнил Петя.

– Устраивайтесь поудобней, – говорит. Кресло у него действительно классное. Я в них разбираюсь.

– Я заметил, – вставил Петя.

Стал я с ним своими сомнениями делиться. Все подробно рассказываю. Даже самому начало кое-что понятнее становится. А Эрик слушает, не перебивает, как ты сейчас. Когда я закончил, он и говорит:

– Вижу, что вы интеллигентный и высококультурный человек.

– Да, уж, – согласился Петя.

– В наши времена, когда культура не в чести, тем более русская, вам трудно найти место в жизни. Я думаю, что вы бы хотели нести, так сказать, добро в массы, но вместе с тем не быть последним в очереди распределения общественных благ.

«Хорошо излагает, – думаю, – наверное, тоже где-то учился».

– Вот вы говорили, что работали директором малого предприятия?

– В каком-то смысле, – согласился я.

Эрик сидит молча, задумался. Я уже после понял, что это чистый спектакль был.

– Мне кажется, что я мог бы предложить вам работу, почти соответствующую вашим духовным запросам.

Увидев, что завладел моим вниманием, Эрик снял очки, прищурился весьма интеллигентно и говорит:

– В наше нелегкое время многие люди, даже люди с большими деньгами, несчастливы. Причина общая – они занимают

не то место в жизни, занимаются не тем, не могут создать даже за большие деньги атмосферу счастья, добиться выполнения заветных желаний. И это характерно даже для очень обеспеченных слоев общества.

Наша задача как психологов прийти людям и обществу в целом на помощь. Конечно, мы не можем создать обстоятельства для достижения всеобщего счастья в материальном мире. Но давать людям отдых, счастливые минутки, вспоминая о которых, человек становится добрее и в конечном итоге человечнее, мы просто обязаны.

Человек издревле придумывал методы отвлечения от повседневности, придумывал сказку и сам участвовал в ней. Из глубины древности до нас дошли изменяющие серые будни религиозные и бытовые обряды и празднества.

Но праздник по индивидуальному заказу, с участием в любой роли и в любой ситуации, наяву с всеобъемлющей полнотой ощущений – это достижение современной науки. И мы просто не можем прятать его от окружающих нас несчастных людей.

Я предлагаю вам стать коммерческим директором фирмы по осчастливлению, так сказать, общества наших современников. Я думаю, вы не должны отказаться от такого предложения. Второй такой возможности для реализации вам не представится.

Нельзя сказать, что речь этого странного психиатра не произвела на меня впечатления. Но все-таки что-то подозрительное и странное во всем этом было.

– Вы хотите сказать, что торгуете новыми психотропными препаратами, которые вызывают эффект счастья, а потом и привыкания? – с сомнением поинтересовался я. – И вам нужен человек, который в конечном итоге будет сидеть?

– Если ты такой проницательный, как же ты в такое дерьмо вляпался? – не выдержал давно молчащий Петя.

– Знаешь, когда очень кушать хочется, обманщикам напрягаться не надо: сам себя уговоришь и глаза на несурзанности закроешь. Еще и доводов сам насочиняешь, чтобы окончательно себя закопать. А понятие о голоде – вещь индивидуальная: кому жемчуг мелкий, а кому суп жидкий.

Одесса

– Спать будете в детской, я вас провожу, – сказала женщина и повела их в дом.

Комната для Пети и Соломона была довольно большая и освещалась почему-то керосиновой лампой. Женщина показала им кровати, сказала, что одежда в шкафу, и ушла. Уставшие путешественники залезли под одеяло и, вытянув на прохладных простынях натруженные ноги, хором сказали:

– У нее голос, как у моей мамы! – и посмотрели друг на друга.

– Слушай, а мы же не спросили, как ее зовут. А этот Хаджибей, он же ее никак не называет, только «мамочка».

– Да знаем мы, как ее зовут, – вдруг сказал Петя. – Она не джинния, но и не человек. И джиннам сюда ход заказан. Одесса-мама она. Вот и говорит, как мама, твоя, моя, Галкина...

– А ты откуда знаешь?

– А ты подумай. У тебя что над кроватью висит?

– Ой, гобелен с оленями моей бабушки.

– А у меня кот в сапогах в лесу, с бахромой. Я когда у бабушки жил, эту бахрому в косички заплетал, а потом морские узлы вязал. Это она откуда знала? Повезло нам с тобой, Соломон, теперь главное – не облажаться, чтоб она в нас не разочаровалась. Тут не в джиннах дело – если спартачим, я себя уважать перестану. Давай спать, а то в меня не то что дела, даже мысли не лезут.

И Петя, повернувшись носом к прекрасному лесу с безобразным котом посредине, захрапел.

Петя проснулся посреди ночи и увидел, что Соломон не спит и смотрит в окно. В комнате было довольно светло, потому что полная луна светила прямо в форточку, разложив светлые квадраты и черные полосы теней по мебели и половикам. Соломон стоял боком к стене, так, чтобы его не было видно из окна. За окном слышался тихий плеск весел и назойливый звон цикад. Петя тихонечко встал и, обойдя комнату, подошел к Соломону и выглянул в окно. За окном виднелся край обрыва, заросший розгом, и черное бархатное море с лунной дорожкой и огромной оранжевой луной. К берегу плыла груженная лодка, которую тихо, но быстро гнали к обрыву четыре гребца.

– По рыбам, по звездам проводят шаланду, три грека в Одессу везут контрабанду... – тихо прошептал Соломон.

Лодка с тихим шорохом уткнулась в песок, люди соскочили в воду и начали быстро перетаскивать на берег какие-то мешки.

– Что, в самом деле контрабандисты? – спросил Петя.

– Да, наверное... – ответил Соломон, с испуганным восторгом глядя в окно.

– Тьфу, пропасть, – возмутился Петя, – если не черти, так преступники. Обрадовались, что людей встретили, и повелись!

– Они не люди.

– Что, опять джинны?

– Не. Я бы учуял. Ты же сам говорил – Одесса-мама.

– А эти кто? – Петя ткнул пальцем в окно.

– А это часть нашего города! Вот такая, историческая.

– Ну вот, – опять рассердился Петя, – можно подумать, что, кроме преступности, Одессе больше похвастать нечем. Только и людей, что налетчиков.

Петя обиженно улегся на кровать и отвернулся к стенке, упершись взглядом в кота в сапогах, который в свете луны выглядел тоже как-то подозрительно.

Второй раз Петя проснулся от воплей буксира. Петя даже не поверил, что проснулся, – про вопли буксиров он слышал от мамы. Но нет, буксир вопил страдальчески, слышались металлические звуки и шум механизмов, свет в комнате то вспыхивал голубым дневным оттенком, то затухал. У окна опять торчал взъерошенный Соломон, уже без всякого восторга и таинственности.

Петя выглянул в окно. За окном виднелась огромная гладкая прямоугольная башня, почти без окон, но вся в металлических лесах. На самом верху ярко горели прожекторы, и полыхала сварка.

Вокруг башни стояли какие-то времянки, вагоны, краны, непонятные механизмы. Грохотали гидросита на камнедробилке. Сбоку от рельсов с железнодорожными цистернами почему-то, словно посуда стопками, лежали спасательные шлюпки. В промежутках между всеми этими механизмами и строениями проглядывало море, пирс и три башенки на нем. Из-за них голосил буксир.

– О господи! Что это? – спросил Соломон.

– Ага! – обрадовался Петя. – Это же Хлебная гавань! Это строят элеватор. Его мой дед строил, еще в 1958 году. Он тогда был самый большой в Союзе. Мне дедушка рассказывал. У нас дома и альбом есть с его фотографиями стройки, тогда скользкая опалубка была ноу-хау. Мой дед за сорок два года столько этих элеваторов настроил! И Кулиндоровский – последний самый большой в СССР. А потом приватизация – все рушить стали – он не смог на это смотреть – умер.

Петя замолчал, глядя в окно, где полыхала сварка, и добавил:

– А элеватор пока стоит.

* * *

Утром Соломона разбудило солнце. Оно светило прямо ему в лицо, ветер колыхал тюль на окне. Пахло морем и жареной картошкой. Пети в комнате не было, но из-за приоткрытой двери доносилось его бормотание и не слишком мелодичное пение.

Соломон не стал спешить вставать, он лежал, разглядывая пляшущие узоры солнечных зайчиков на потолке отраженных от моря за окном. Он ждал.

Со двора доносился звон посуды, разговоры о домашних делах, лай собак, чириканье воробьев и шелест моря. Это был его секрет. Он лежал, хотя ему неудержимо хотелось вскочить и побежать к сияющему прохладному морю. Он ждал заветных слов – и вот они!

– А гости где? – спросил мужской голос.

– Спят еще, – ответила женщина.

– Как можно спать в такое прекрасное утро?

И Соломон улыбнулся – без этих слов не было лета. Он встал, потянулся, – с удивлением заметив, что ничего не болит, и даже вроде он стал моложе и легче.

За дверью сидел на ковре Петя. Вокруг него на ковре лежали игрушки. Здесь были куклы – старинные в кружевных платьях, с побитыми носами, из которых виднелись коричневые опилки, немецкие пластиковые с сияющими волосами и стеклянными глазами. Медведи – байковые и плюшевые. Разные машины, от жестяных паровозов до управляемых моделей космических машин. Машинки легковые, грузовые, большие и маленькие. Соломон увидел белого целлулоидного медведя – совсем как живого, только неподвижного, и коричневую обезьянку с руками на растянувшейся резинке.

Петя с упоением чинил игрушки. Он каким-то крючком подцепил резинки, на которых держались ручки обезьянки, вытащил, обрезал и вставил новые. Голова и ручки встали на место, и Соломон обрадовался, потому что это была его любимая обезьянка. И тогда, когда Соломону было пять лет, даже папа, преподаватель итальянского и английского в консерватории, не мог ее починить. Соломон прятал ее, потому что мама хотела ее выбросить. Но играть ею тоже было невозможно. А теперь ее починили.

Тем временем Петя перешел к большому экскаватору и ловко приделал к нему отвалившееся колесо. И Соломон вдруг тоже уселся на ковер и стал собирать в коробки кубики и сортировать карточки от разных лото и по картинкам, и по алфавиту. И сам неожиданно полез под стол и нашел укатившийся глаз от плюшевого медведя, и пришел его большой иглой, так что медведь стал как ну почти новый.

И это был подвиг, потому что даже пришить пуговицу для Соломона было делом сложным и заковыристым.

И так они трудились, удивляясь и вспоминая. Здесь были игрушки их детства, вроде давно забытые, но, оказывается, хранившиеся на чердаке памяти и готовые в любой момент прийти и привести с собой множество детских печалей и радостей. Здесь были игрушки, о которых они слышали от родителей и от дедушек и бабушек. Были и вовсе неизвестные, в которых играли дети двести лет тому назад, или играют дети сейчас.

А еще там были книги, потрепанные, в пятнах супа или компота, подклеенные и потерявшие обложки. Картинки яркие и утратившие цвет от множества невзгод, случившихся от общения с маленькими ручками. Там была Снежная королева невысказанной красоты в саях над городом с красными крышами. И Бианки с тайнами леса, и Барто с укатившимся мячом. И дама сдавала багаж, а человек рассеянный со сковородой на голове опаздывал на поезд. И Чудо-дерево, и доктор Айболит, и Чиполлино, и Карлсон. И все это было живое, читаемое, не слишком опрятное, но любимое.

Солнце ушло в тень, и, взглянув в окно, они увидели множество мелких облаков, составлявших целый облачный симфонический оркестр. В туманных белых фигурах, конечно, не было видно мелких деталей, но сомнений не было – множество музыкантов,

кто сидя, кто стоя, играли что-то бравурное. Ветер гнал облака, и через минуту все музыканты слились в одну тучу, и только по краю шел огромный великан, дующий в рог.

И тут они услышали мамин голос:

– Мальчики, мойте руки и садитесь кушать!

И Петя неожиданно для себя закричал:

– Мамочка, я сейчас, только колесо закреплю! – и засмеялся.

Когда они вышли на крыльцо, стол уже был накрыт, но за столом сидел один Хаджибей.

– Доброе утро! Садитесь, позавтракайте, – приветствовал их Хаджибей.

– Доброе утро! А где хозяйка? – спросил Петя.

– На берегу, она уже давно поела и убежала. А вы садитесь, я вас сегодня приглашаю на прогулку по морю и окрестностям. Так что ешьте в запас, скорый обед не обещаю.

Петя и Соломон дружно налегли на яичницу с колбасой и картошкой с укропом, и с салатом из огурцов и помидоров, с брынзой и маслинами. Попив напоследок чай с булочкой, они, слегка отяжелев, все-таки бодро встали, готовые к походу.

– Пойдите переоденьтесь, а то в хламиде здесь только ангелы ходят, – сказал Хаджибей. – И шляпы не забудьте, солнце печет – будь здоров.

Друзья ушли в свою комнату, и оказалось, что у каждого на кровати висят белые полотняные рубахи, серые коротковатые домотканые штаны, длинные, широкие, как полотенце, красновато-коричневые пояса. Переодевшись и замотавши вокруг талии трехметровые пояса, Петя и Соломон взяли широкополые соломенные шляпы и, подхихикивая друг над другом, пошли к Хаджибею.

– Слушай, я себя в этом наряде чувствую болгарским пасечником, – сказал Петя.

– Главное, чтоб пчелы не случились, уж очень кусачие.

Они опять вышли во двор. Там было пусто. Ни стола, ни посуды, ни Хаджибея.

– Наверное, на берег ушел. Пошли, может, ему надо с лодкой помочь, – и Петя зашагал вниз по лавовым плиткам.

– А дом закрыть? – возразил Соломон.

– Эй, вы там скоро? – донеслось с берега.

– А как дом закрыть? – закричал Соломон.

– Уже закрыто!

И они увидели огромного белого пса, который лег у дверей.

На берегу Хаджибей возился с лодкой. Теперь, на утреннем солнце, они увидели жилистого, прожаренного солнцем старика в широкополой соломенной шляпе, домотканой рубахе и застиранных штанах. Он обернулся, и они увидели длинные белые усы на загорелом смеющемся лице.

У тихой воды сидела двухлетняя девочка в белом платье с оборочками и косыночке. Она с увлечением строила крепость из песка. Петя с изумлением увидел знакомые по старинным планам звездчатые очертания стен. Девочка не обращала на них внимания, увлеченная работой.

– Эй, помогите лодку на воду спихнуть! – крикнул Хаджибей.

– А кто эта девочка? – спросил Петя, спустившись к воде.

– Одесса, – ответил Соломон. – Ее с собой возьмем?

– Не-а, она тут будет крепость строить. Полтора года – самый копательный возраст, – сказал Хаджибей.

– А вдруг ее кто-нибудь обидит? – всполошился Соломон. – Или она сама покалечится?

– Она сейчас сама кого хочешь обидит или покалечит, не то что позже, – засмеялся Хаджибей и махнул рукой в сторону берега. Под желтой ракушечной скалой на посту стоял солдат средних лет с ружьем и в старинной форме суворовской армии.

Девочка подняла головку и сурово глянула на друзей. Петя поежился.

Проваливаясь ногами на мокром песке, они столкнули лодку на воду, попрыгали в нее и отчалили.

Лодка шла по гладкому сияющему морю. Хаджибей поставил парус, и тишину нарушало только тихое поскрипывание снастей. Ветерок шевелил волосы, и жара на воде не казалась такой изнурительной, как на берегу. Но одежду они не снимали, хорошо знакомые с коварством утреннего солнца. Вскоре показался знакомый участок берега с Живаховой горой. С горы по тропинкам спускалась целая процессия людей в разноцветной одежде с кувшинами и корзинами.

– Кто это? – спросил Соломон.

– А это греки. Мистерии у них. Сейчас они к морю сойдут, принесут в жертву кефаль, а потом наверх пойдут с кувшинами. Будут пить кикеон и вызывать предков, а потом будут рыбу жарить и козью брынзу есть. И пить вино вместе с предками. Что с них возьмешь – греки...

– Это что – настоящие элевсинские мистерии?

– Да нет, это местный вариант, не такие они богатые девять дней летом праздновать и свинью резать.

– А кикеон – это что? – спросил Петя.

– Это напиток такой, смесь парамнейского вина, козьего сыра, ячневой муки и меда. Может, жрец туда еще чего-нибудь подсыпает, но это уже его жреческое дело.

– А как они предков вызывают, в смысле в виде привидений?

– Да нет, они их в телах вызывают – ну чтоб посидеть, выпить, попеть, потанцевать с удовольствием. Они всегда так делают.

– А как они их вызывают? – спросил Петя.

– Бог их знает, жрец у них там есть – он руководит и с Деметрой договаривается.

– А ты видел?

– Видел. Я к ним больше не хожу. Они к утру так перепиваются, что за ними Персифона приходит. Она ей доньшки от кувшинов жертвуют, чтоб опять отпустила. Потому что она сильно ругается и говорит, что отпустила в последний раз. Да и чего мне к грекам ходить? Я на них еще при их жизни насмотрелся. Они говорят, что не боятся смерти, потому что им предки лично подтвердили, что смерти нет.

– И что, настоящая Персифона, дочь Деметры, жена Аида, госпожа подземного царства? Богиня с нарциссами? – недоверчиво спросил Соломон.

– Конечно.

– Как интересно! И можно с ней увидеться, на нее посмотреть?

– Станный ты человек, кто ж с ней спешит встретиться? Подожди, в свое время еще насмотришься.

Хаджибей спустил парус и забросил удочку с кисточками самодура. Петя к нему присоединился, и они азартно стали таскать трепещущие радужные качалочки скумбрии по три штуки за раз. Вскоре за бортом в сетке висел целый пуд серебристо-пятнистой рыбы. Соломон устроился на дне и задремал, накрыв лицо шляпой. На закате его разбудил Хаджибей.

– Вставай, сможешь грести, домой пора.
Они навалились на весла и пошли к берегу.

Татьяна

С утра позвонив Соломону в офис, она узнала, что его отправили в командировку в связи с ЧП. Позвонив еще дважды и получив ответ, что Соломон еще не вернулся и не звонит, она решила, что ей морочат голову. И, движимая гневом и любопытством одновременно, просто отправилась на фирму.

Войдя без стука в кабинет, она увидела очень встревоженную Марину с мобильным телефоном. Увидев Татьяну, Марина огорчилась еще больше, но взяла себя в руки и предложила ей кофе. Татьяна только открыла рот, чтобы задать вопрос, как дверь с грохотом распахнулась. Влетела запыхавшаяся Галина и выпалила:

– Куда вы дели моего Петю?

– Какого Петю?

– Моего Петю Пчелкина, он у вас лампы переливает!

– Это не ко мне, это к Соломону Давидовичу, он у нас персоналом занимается.

– А где этот пончик?

– Кстати, действительно, где он? – ехидно вставила Татьяна. – Говорите, Марина! То, что здесь происходит, мало того что безобразно, еще и очень подозрительно. Похоже, что я легко отделалась, у вас и люди пропадают. Может, моя служба безопасности вами займется?

– Да, да! Пусть займется, и милиция тоже. И орнитологи грачами этими!

– Какими грачами?

– Инопланетными!

– Девушка, что вы мне голову морочите! – возмутилась Татьяна. – Я вообще не с вами разговариваю. Марина, возьмите себя в руки и перестаньте реветь. Я к вам обращаюсь!

Но Марина уже не могла взять себя в руки. Слезы текли у нее по лицу, и она вытирала их салфеткой, размазывая тушь по щекам.

– Да пропади оно пропадом все, не могу больше, увольняюсь! Надоело! И клиенты эти, зажавшиеся паскудники, сплошные

пытки и порнография. Я женщина, человек, а они такое заказывают! Я говорю: «Зачем вам у нас это? Вам эти услуги за меньшие деньги устроит любая шлюха». Нет, говорят, у вас круче. Конечно, круче – живую у них потенции нет. А я выслушивай всю эту мерзость. Не могу я больше их жалеть и понимать, они не больные, они сволочи.

И джинны эти наглые! Я пока поняла, что они есть, чуть с ума не сошла. И Ушастый тоже хорош: «Это вам кажется, это побочный эффект наших масел...». Ага, конечно, два раза! Рафл до того обнаглел, при клиентах сквозь стены ходит, а ты выкручивайся.

– Стоп, стоп, стоп! Какие джинны? – вмешалась Татьяна, которая все и всегда слушала очень внимательно. – О чем вы говорите? Их же не бывает!

– Да, не бывает, как же! Сейчас который час? Два? Вот сейчас и явится голубчик, – с этими словами она показала на стенку. – Я ему говорю: «Ты хоть при клиентах тут не ходи». А он: «Все равно никто не поверит, а если увидит – не признается. Леприконов не бывает, а кто их видит, того в дурку упекут».

В этот момент полоски на обоях кабинета расступились, и прямо из стены вышел маленький довольно противный человечек в зеленом камзоле с бриллиантовыми пуговицами и в кроссовках.

– Глаза б мои тебя не видели, поганец! – в сердцах сказала Марина.

Человечек огляделся по сторонам, развязной походочкой подошел к Татьяне и погладил ее по коленке. И тут же получил по физиономии, аж зазвенело.

– Да ладно, я пошутил, – сообщил он, ничуть не смутившись. – Все равно ведь никто не верит, что я существую.

Не тут-то было. В его шею мертвой хваткой вцепилась Галина.

– Отдавай моего Петю, джинн поганый, а то в бутылку посажу!

Снисходительно улыбнувшись, Рафл вытек, как дым из ее рук. Но тут уже включилась Марина. Она стала произносить какие-то непонятные слова, среди которых проскальзывало знакомое слово Аллах. Это леприкону не понравилось совсем. Он съежился, втянул голову в плечи и замахал руками:

– Ладно, ладно, Мариночка, хватит, хватит! Больше не буду. Ну чего тебе от меня надо? И ты же не мусульманка.

– И что с того? Я верю в бога, правильно омыта, правильно одета и в правильное время имею твердое намерение совершить молитву – видимо, все как надо, раз тебя корчит. Ты мне зубы не заговаривай. Где Соломон Давидович и Петя?

– А я что? Я ничего! Я их что, пасу? Ничего не знаю.

Марина опять забормотала молитву, время от времени проводя руками по лицу.

Леприкон съежился и замахал руками.

– Ладно, ладно! Это все поповские происки. Мало того что он джиннам первый враг, так он теперь за людей принялся. И Никифор с ним, сволочь такая.

– Какой это поп? – вклинилась Галина. – Который художник?

– Какой он художник! Липа это все. Экзорцист поганый! Сколько он нашего брата изгнал прямо на улицу – страшное дело. А Никифор – тоже дрянь, кофе у него варит, а сам темные делишки проворачивает, инкубствует втихаря. Тут у них армагеддец наметился, вот они и засуетились.

– Таак! – сказала Татьяна. – А ну-ка показывай, где живет твой поп, и как его зовут.

– Дионисий он, я его знаю, – вклинилась Марина, – вполне приличный человек.

– Пока тебя святой водой поливать не начал, – пробурчал Рафл.

– В общем, мы хотим поговорить с Крестовоздвиженским, и немедленно!

– Пожаалуйста... Только так: вы говорите с Дионисием – и все, больше ко мне никаких вопросов.

Вдруг свет мигнул, и все три женщины оказались на кухне у Крестовоздвиженского.

– Ой, я же офис не закрыла! – повернувшись к стене, спохватилась Марина. – Рафл!

Но вместо Рафла только подошва кроссовки мелькнула, исчезая в стене.

Продолжение следует

